

Не предавать и не продавать себя

«Без галстука» № 67 с Татьяной Пархалиной

ОТ РЕДАКЦИИ: ПИР-Центр продолжает серию интервью в формате «Без галстука». Участие в проекте приняла и член Экспертного совета ПИР-Центра **Татьяна Глебовна Пархалина**.

Татьяна Глебовна Пархалина – отечественный специалист по вопросам европейской безопасности. Кандидат исторических наук. Ныне советник директора Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Создатель и главный редактор научного журнала «Актуальные проблемы Европы» (с 2000 г.).

О Татьяне Глебовне известно не так уж и много. В 1973 г. окончила МГИМО МИД России. Профессиональную деятельность начала в Дипломатической академии МИД СССР в качестве преподавателя французского. С 1974 г. стала работать в ИНИОНе: прошла путь от младшего научного сотрудника, заведующей Отделом Западной Европы и Америки (с 1988 г.), заведующей Центром глобальных и региональных проблем (с 1996 г.) до заместителя директора ИНИОН РАН (с 1998 по 2020 г.). С 2003 по 2021 г. являлась членом Экспертного совета при Комитете по международным делам Совета Федерации РФ. С 1998 по 2015 г. возглавляла Центр европейской безопасности.

Нам удалось поговорить с ней о ее жизни, о профессиональной и личной. О родителях и самых сильных воспоминаниях из детства, годы которого пришлись на жесткие кризисы эпохи холодной войны; о студенческих годах в МГИМО, когда девушек там можно было пересчитать по пальцам; о ежовых рукавицах матери и о наставлениях отца, которые позволяли оставаться верной себе и двигаться дальше; о первых шагах в профессии и о переосмыслении своего предназначения; о сложностях, с которыми приходилось сталкиваться; о достижениях в карьере и в профессии; о любви к фортепиано и музыке, йоге и Индии, картинах и встречах с друзьями. Обсудили и обстановку в мире, в обществе, и куда мы движемся.

Интервью провела и подготовила **Елена Карнаухова**, заместитель директора-директор Образовательной программы ПИР-Центра.

Искусство правильных решений

У меня было очень счастливое детство. Это очень много, когда малыш рождается в семье, где родители любят и друг друга, и своего ребенка. Мне повезло родиться именно в такой семье. Уже во взрослом возрасте после занятий йогой, узнав индийскую культуру, я поняла, что душа сама выбирает своих родителей. Я тоже верю и в реинкарнацию, и в карму. И в то, что я сама выбрала своих родителей. И этот выбор – мой самый первый – был правильным.

Другое судьбоносное решение я приняла в 16 лет. С раннего детства я играла на фортепиано. Уже в семь лет я поступила в центральную музыкальную школу при консерватории и собиралась стать профессиональной пианисткой. И родители, и учителя возлагали на меня большие надежды, всем нравилась моя техника. Но к 16 годам я поняла, что у меня не хватает таланта и что я не хочу быть посредственной. Это было какое-то озарение, какое-то интуитивное предчувствие, которое долго во мне вызревало. Помню, как не спала всю ночь, думая об этом, а утром все-таки объявила свое решение родителям. Они стали звонить моей преподавательнице, все уговаривали меня передумать. Но я хотела быть честной с собой и приняла решение не связывать свою профессиональную жизнь с музыкой.

Внутренняя самодисциплина

Должна сказать, что музыкальная школа отнимала много времени и сил. Не раз бывало так, что я могла сидеть за фортепиано по пять-шесть часов. А так хотелось на улицу бегать с ребятами во дворе! Они-то были на воле и веселились от души. Но к занятиям меня никогда не принуждали, я любила играть. И с ранних лет понимала, как важны труд и дисциплина.

Помимо фортепиано, в детстве я очень любила читать и смотреть кино. Больше всего я любила классику, хотя и испытывала интерес к жанру фантастики. Где-то в 11 лет прочитала Ги де Мопассана и, конечно, ничего не поняла. Точнее поняла то, что не нужно понимать в столь юном возрасте.

Вообще я была папиной дочкой – отец позволял мне все. Мама была куда строже и воспитывала меня в ежовых рукавицах. Бывало так, что мама меня за что-нибудь накажет, а папа вернется с работы и наказание отменит. Именно мама привила мне самодисциплину, строгость, понимание долга. Она, а не папа-генерал. И я очень благодарна маме за такое воспитание. Уже во взрослой жизни я поняла, насколько она все делала правильно – я выросла сильным человеком в морально-психологическом плане. Правда, нужно сказать, что не все этот мой сильный характер потом выдерживали.

Сильные воспоминания из детства и первый завет отца

Мой папа служил в Главном оперативном управлении (ГОУ) Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Ему приходилось много ездить по странам Организации Варшавского договора (ОВД) – то в обычные командировки, то на военные учения. В некоторые командировки он ездил с семьей.

Я до сих пор точно знаю, когда была построена Берлинская стена. 13 августа – это день рождения моей мамы. В тот год папа находился в командировке в ГДР, а мы с мамой остались дома, в Москве. Маме очень хотелось сделать папе сюрприз, и в день ее рождения мы вместе с ней поехали к нему. И там я увидела этого *цементно-железного монстра* и поняла своим пока еще *детским умишком*, что вот так быть не должно. Я тогда сильно заплакала, а родители меня обступили, попытались спрятать от других людей и стали успокаивать: иначе все стали бы говорить, что меня неправильно воспитывают.

Второе такое же сильное впечатление оказал на меня Карибский кризис. Папы в сентябре-октябре 1962 г. почти никогда не было дома. Иногда он приезжал переночевать,

но в основном все время проводил на работе, на службе. В самый разгар кризиса я как-то проснулась ночью и случайно увидела, что дверь на кухню заперта. Горел свет, доносились голоса. Родители очень строго меня учили, что нельзя подслушивать чужие разговоры, как и подглядывать в замочную скважину или читать чужие письма. Но в тот момент я решила послушаться. Папа тогда сказал моей маме: «Лида, если я тебе позвоню и если ты от меня ничего не услышишь, ведь я ничего не смогу сказать тебе, мой звонок будет означать, что ты должна срочно взять детей [*у меня был младший брат, которого уже нет в живых – прим. Т.Г. Пархалиной*] и уехать как можно скорее и как можно дальше из Москвы». Позже я поняла, что наши военные высоко оценивали вероятность ядерного удара со стороны США по СССР.

После событий Пражской весны 1968 г. отец находился в Чехословакии вместе с объединенными войсками ОВД. Когда он уже вернулся в Москву, то позвал меня пройтись на улице, и мы разговорились с ним. В какой-то момент он сказал мне: «То, что мы делаем, приведет нас к катастрофе». Так оно и получилось в 1991 г. Папа понимал действительность. Тогда же он дал мне важное наставление: «Таня, ты должна научиться думать сама». И я научилась.

Годы учебы в МГИМО

В 1968 г. я как раз поступала в МГИМО. Почему я пошла именно туда, ведь девушкам дорога в этот вуз была не то, чтобы открыта? Наверное, в этом было влияние отца – точнее его генов –, как и его друзей-военных. В нашем доме часто обсуждались разные международные события. В старших классах школы я осознанно стала интересоваться международной проблематикой.

Поступать было сложно. МГИМО в те годы был особенно элитарным вузом. Мне повезло, что я закончила школу с золотой медалью. И поэтому мне нужно было сдать только два экзамена вместо четырех. В моем случае – язык и историю.

Я очень хотела попасть на арабское отделение. Чтобы хорошо сдать экзамены, я занималась арабским дополнительно с преподавателем. Недавно случайно нашла свои тетради, исписанные арабским – столько воспоминаний. На вступительном экзамене я читала Омара Хайяма, мы обменялись взглядами с моими экзаменаторами, смогли поговорить друг с другом. Я была уверена, что меня примут и что я точно попаду на арабское отделение. Но, как потом выяснилось, тут напрямую вмешался отец. Языки были распределены таким образом, что мне в итоге достались французский и английский. Я была так расстроена, в слезах побежала в телефонную будку возле МГИМО звонить отцу, но он тогда сказал, что ничего не может сделать. Потом я полюбила французский, и французскую культуру, и саму Францию. Когда я заканчивала МГИМО, папа признался мне: он знал, что так будет, он был уверен, что «белой женщине» нечего делать на арабском Востоке, мой французский – это его рук дела. В тот момент я уже не была так расстроена тем, что моя жизнь пошла не в сторону арабского мира, и обижаться не стала.

Студенческие годы у меня были не менее счастливые, чем мое детство. Учиться в МГИМО было очень интересно. На моем курсе девушек было мало – в пределах 10-12 человек, или примерно 10-15 процентов от всего курса. В четвертой французской группе, в которую я была зачислена, тоже были девчонки. Сейчас некоторые из моих однокурсниц преподают в МГИМО, кто-то работает в ИНИОНе.

Занятия у нас вели блестящие преподаватели. Если говорить о французском языке, то была у нас преподавательница Галочка, ее фамилию я, к сожалению, уже не помню – она тогда только закончила Иняз, мы были у нее первой студенческой группой. Она вкладывала в нас всю свою душу! Французский у меня также вели И.Н. Попова и Ж.А. Казакова – их грамматика французского языка по-прежнему *must-have* для любого франкофона. Я застала Е.В. Тарле, А.З. Манфрида, Е.В. Розанова и многих других специалистов. Право Франции, например, нам читал проректор Крутоголов, и каждое его занятие было настоящим спектаклем. Он был очень похож на Ленина и тоже носил костюм-тройку. Частенько на занятиях вставал в характерную ленинскую позу и начинал вести занятие, воспроизводя его манеру речи. В Сорбонне мне рассказывали, что его занятия всегда срывали аплодисменты. Так оно и было. Он был щедр, великодушен. Никогда не ставил ниже четверки на экзаменах и всегда разрешал пользоваться шпаргалками и учебниками во время проверочных работ – шутил, что, если ему будет нужно, он нас и так без особого труда завалит. Преподаватели никогда не ограничивали нас в высказываниях, у нас проходили очень свободные дискуссии, а ведь МГИМО тогда был идеологическим вузом. Никто из них не пытался нас как-то задавить авторитетом. Благодаря им я поняла: человек, который состоялся как личность, никогда не позволит себе унижать и подавлять другого человека, неважно, находится тот ниже его или стоит рядом.

Многие из моих однокурсников уже вышли в отставку. Были среди них и послы, и заместители министра, и директора департаментов, и публично не известные дипломаты с орденами. Среди моих однокурсников есть и академики, например Алексей Георгиевич Арбатов или Владимир Георгиевич Барановский.

Поскольку я была зачислена на французское отделение, моей специализацией стала Франция. Моя дипломная работа была посвящена франко-американским противоречиям в Западном Средиземноморье. Меня тогда безумно интересовал этот регион. Я много читала Фернана Броделя, французского историка. Удивительным образом Средиземноморье стало колыбелью сразу нескольких мировых цивилизаций и мировых религий. Конечно, и конфликтов там всегда было много – здесь сходятся столько разных интересов различных игроков. А ведь это всего лишь маленький кусочек земного шара. *Mare Nostrum* превратилось в *Mare Belli*.

По окончании МГИМО мне была присвоена квалификация референта-международника, специалиста по странам Запада. Мне еще повезло с тем, что два года я проучилась на военной кафедре и закончила вуз с квалификацией военного переводчика. Да, несмотря на то что в МГИМО девушек было мало, для них тоже предусматривалась военная подготовка. Военный перевод мне очень многое дал, я не жалею, что попала на военную кафедру.

Первые годы в профессии и смена ориентиров

Пока училась в МГИМО, я особо не планировала, куда пойти на работу. В МИД в ту эпоху девушек не брали – дипломатическая стезя предназначалась прежде всего для мужчин. Нам даже говорили иногда в частных беседах, что мы закончим вуз, выйдем замуж, родим детей, а это все помеха для работы на дипломатическом поприще. Большинство моих однокурсниц хотели пойти или в информационные агентства, например в ТАСС, или в академические институты. Очень многие после выпуска пошли

в систему Академии наук СССР – ИМЭМО или в Институт Африки. Я же пошла в ИНИОН.

Но сначала я некоторое время проработала в Дипломатической академии, где вела французский язык. Среди моих студентов были партийные работники, которых потом отправляли на дипломатическую службу. Вот именно этой категории я и преподавала язык. Французский я любила всей душой. Думала, что именно с языком и свяжу свою профессию. Но в скором времени мне это все наскучило. Преподавательская деятельность позволила мне понять, что язык – это всего лишь инструмент коммуникации и что я не хочу всю жизнь посвящать переводу чужих мыслей. Мне хотелось самой формулировать эти мысли. И я ушла из Дипломатической академии, поступила в аспирантуру ИМЭМО, но работать пошла в ИНИОН.

Моя кандидатская диссертация снова была посвящена Франции – ее политике в Средиземноморье. Меня очень интересовала внешняя политика Шарля де Голля (1959-1969), как он выстраивал т.н. *politique de grandeur de France* – политику величия Франции. В 1966 г. Франция вышла из военной организации НАТО, и это было большое событие. Но она по-прежнему оставалась частью политической организации НАТО, и поэтому говорить, что при де Голле Франция вернула себе абсолютную независимость было бы некорректно, ее независимость все-таки была относительной. В 2009 г., при Николя Саркози (2007-2012), Франция вернулась в военную организацию НАТО. Тогда Национальное собрание устроило целую конференцию, чтобы отпраздновать это решение, и я была одним из гостей мероприятия. Многие эксперты и политики говорили, что из-за решения де Голля Франция лишила себя возможности участвовать в процессе принятия важных военно-политических решений. По-прежнему Франция не входит в группу ядерного планирования, и ее ядерные силы никому извне не подчиняются. К слову, Франция – это одна из стран Европы, у которой сохранился полный цикл производства вооружений. Вторая такая европейская страна – это Швеция.

Мы видим, как активно себя ведет нынешний французский президент Эммануэль Макрон (2017-н.вр). Политическая система Франции такова, что только президент принимает решение о применении вооруженных сил и об их вводе на территорию других стран. Парламентских дебатов там, как в США, ожидать не приходится. Это последний срок Макрона и, думаю, что теперь он прокладывает себе путь для карьеры на международном уровне. Скорее всего, он займет крупную позицию в какой-нибудь международной организации.

Переход в сферу европейской безопасности

В какой-то момент мне захотелось выйти за рамки французской тематики. Да и в нашей стране, Европе и мире стали происходить значимые процессы. На тот момент я уже много, где побывала за рубежом, многое увидела своими глазами. В 1990-е гг., когда в российской внешней политике был взят курс на интеграцию в западное сообщество, я стала заниматься проблемами европейской безопасности.

В 1996 г. я стала руководителем Центра глобальных и региональных проблем в ИНИОН РАН, а в 1998 г. – заместителем руководителя ИНИОНа.

Был создан Центр европейской безопасности, который просуществовал 18 лет. Я возглавляла его с 1998 по 2015 г. Центр выпускал журнал «Европейская безопасность –

события, оценки, прогнозы». Мы также проводили различные научные семинары и конференции, образовательные мероприятия, например, зимние школы, занимались аналитической деятельностью, да и всем тем, что сейчас красиво называется публичной дипломатией.

Могу сказать, что за последние несколько лет акценты в европейских исследованиях изменились. Мы переживаем период резкого охлаждения наших отношений с Европой, и это, конечно, влияет на интересы молодых специалистов. Европейских исследований сейчас стало меньше. Современные поколения считают, что куда более перспективным объектом исследований являются Азия или Африка. В США, кстати, наблюдается такая же картина: молодежь не хочет изучать ни Россию, ни Европу, но зато проявляет интерес к Ближнему Востоку и Юго-Восточной Азии. Думаю, что в России в ближайшем будущем активно переориентируются на изучение или китайского, или африканских языков. Это можно понять. Во-первых, меняются внешнеполитические приоритеты. Во-вторых, молодым ребятам хочется иметь возможность профессионального роста. Конечно, большую роль в этом играют и перспективы заграничных командировок.

В эпицентре геополитического разлома

Мы живем в эпоху неопределенности – в самом эпицентре мирового кризиса. Есть разные оценки того, что сейчас происходит на мировой арене. Как обозначать все происходящие события и процессы – это дело вкуса, конечно.

Я считаю, что мы уже живем в состоянии третьей мировой войны, что она уже началась. Конечно, не стоит ждать, что она будет такой же, как Вторая мировая война (1939-1945), когда танковые армады сталкивались лоб в лоб. На мой взгляд, третья мировая война – это серия локальных войн высокой интенсивности. Европа – здесь мы уже имеем такой конфликт. Ближний Восток – даже этот регион за последние годы не видел таких столкновений и жертв, которые происходят сейчас на фоне обострения арабо-израильских противоречий. Южный Кавказ – недавно совсем завершился конфликт высокой интенсивности. Эксперты и политики предсказывают, что крупный конфликт в 2025-2027 гг. может развернуться в Южно-Китайском море. По праву можно сказать, что мы живем в эпицентре геополитического разлома.

Транзит от старого миропорядка к новому уже начался. Какой именно будет новая мировая архитектура, мы пока еще не можем сказать точно. Сейчас популярно мнение, что складывается многополярный мировой порядок. Но как мы знаем, в системе может быть только два полюса. При этом эти два полюса не исключают наличия многих центров. Я предпочитаю термин полицентричность. Безусловно, в будущем мире будет много различных региональных центров.

Я знала людей, которые пережили ашхабадское землетрясение 1948 г. Так вот они рассказывали, как на их глазах разверзалась земля, а потом схлопывалась, поглощая целые семьи. Вот именно так я представляю себе состояние нашей мировой системы: политический ландшафт резко меняется, все обсыпается. Почти все международные структуры продемонстрировали свою неэффективность, неспособность не только предотвращать конфликты, но и находить пути их решения.

В любом конфликте всегда виноваты обе стороны

Когда в мире складывается ситуация доминирования одного государства или блока государств, у других стран неизбежно возникает желание противодействовать гегемону. К этому подталкивают как объективные, так и субъективные факторы.

США сейчас представляются как гегемонистская держава, которая увядает. Я считаю, что закат США начался в 1991 г. вместе с развалом Советского Союза. Исчез один полюс, стал ослабевать и второй. В США были ликвидированы центры по изучению России, произошли подвижки в американских элитах. Они подумали, что *game is over*, что России можно теперь диктовать свои условия, что ее интересы можно игнорировать, что теперь можно почивать на лаврах. То же самое относится и к европейцам. В 1990-е гг. Фрэнсис Фукуяма предложил свою известную всем концепцию *конца истории*. И ведь он только совсем недавно признал, что ошибся.

Конечно, западные страны допустили очень много ошибок в отношении России. Я искренне верю, что когда не складываются отношения, то виноваты обе стороны. Никогда не бывает так, что один белый и пушистый, а другой – абсолютное зло.

О развитии современных обществ и европейскости России

Сейчас мы видим конфликт между демократическими и авторитарными странами. При этом на Западе поднимается волна правого популизма. И это не случайно. На мой взгляд, она связана с тем, что существующие на Западе политические системы не способны давать быстрые ответы на вызовы т.н. *открытого общества*. Безусловно, это следствие процесса глобализации. Современные общества требуют, чтобы ответы на сложные вопросы им давали здесь и сейчас. На Западе же есть традиция парламентских дискуссий, согласования интересов различных групп и т.д. и т.п. Существующие системы на Западе, как правило, двухпартийные, но с 1990-х гг. партийные программы стали сближаться, размываться, итоги выборов демонстрируют, что разница между ними по голосам составляет от одного до двух процентов.

На развитие обществ и государств также влияют стремительная интернетизация, новые технологии, новые системы коммуникаций. Нам еще предстоит узнать, что для нас готовит искусственный интеллект. Уверена, он создаст для нас колоссальные вызовы. Недавно прочитала про эксперимент: беспилотнику были даны команды уничтожить противника, так он, или лучше сказать – оно, в процессе выполнения задания вернулось и уничтожило командный центр, потому что подумало, что приказ может быть отозван, а для него это представляет куда большую опасность, чем наличие врага по ту сторону баррикад.

Существует масса различных проблем, и многие люди, живущие в демократических условиях, видят, что их правительства не всегда могут найти быстрое решение этих проблем. Им начинает казаться, что авторитарные общества, которые не зависят от дискуссий в парламенте, от поиска компромиссов куда более эффективны и на существующие вызовы отвечают быстрее. Есть только одно *но*. Эти люди никогда не жили в авторитариях, и они не понимают, как они на самом деле устроены.

В целом я считаю, что сейчас самая главная проблема, причем она повсеместная, – это деградация элит, ее тотальная депрофессионализация. В чем именно заключается депрофессионализация элит – в неумении, неспособности, граничащей с боязнью, брать на себя ответственность и принимать важные, ключевые решения. Так везде – я не делаю

никаких исключений. Уж таков нынешний этап развития всей человеческой цивилизации. Этот процесс опять-таки связан с глобализацией и новыми технологиями. Посмотрите сами, как сейчас все сдают экзамены – сплошные тесты, сплошные *да и нет*. Люди теряют навык критически мыслить, сопоставлять разные факты из разных сфер жизни. Вся информация доступна в интернете – вообще ничего учить не нужно.

Изменение самих обществ – это еще один тренд, который охватывает весь мир. То, как меняется западное общество, часто характеризуют деградацией. Я бы не была так категорична. Да, сейчас у западных обществ появляются такие черты, которые я сама считаю сугубо отрицательными, мне они не приятны, и я лично их не принимаю. Но при этом я не забываю, что из Запада в другие страны, в том числе к нам, в Россию, за последние годы пришло много хорошего. Это и новые технологии, и различные хосписы, и центры заботы о тех, кто страдает разного рода недугами или находится при смерти, и сострадание к животным, для которых создаются специальные приюты, и та самая пресловутая мультикультурность. После Второй мировой войны на Запад хлынули бесконечные потоки мигрантов, и ведь эти люди действительно хотели стать гражданами западных стран, многие из которых были когда-то их метрополиями. Это сейчас их внукам уже что-то не нравится, и они высказывают свои недовольства. А тогда такого не было. Об этом можно долго дискутировать, но я призываю всех помнить, что в каждом обществе, как и в каждом человеке, намешано и хорошее, и плохое.

Я никогда не отказывалась от своего убеждения, что Россия – это часть Европы. Сейчас так думать не популярно. Но мы никогда не сможем вычеркнуть тот факт, что в цивилизационном плане мы часть Европы, мы часть греко-римской цивилизации – в том числе благодаря христианству. Самодержица российская Екатерина Великая (1762-1796), когда готовила свое уложение, писала, что *Россия есть держава европейская*. Да, мы, так можно сказать, *другая Европа*. Европа не гомогенна и никогда таковой не была и не будет под воздействием интеграционных процессов. Португалия все равно отличается от Польши, да и от Италии или Швеции. Так и Россия отличается от других европейских стран, но мы все равно часть Европы. Невозможно вырвать Россию из европейского контекста.

Быть верной своей позиции и любить Родину

Очень часто мои взгляды подвергались критике и нападкам. Но я от них не отказываюсь. Я патриот своей страны. Россия – это моя страна. Я люблю ее. Это моя Родина, вся моя жизнь связана со служением ей.

Любить Родину можно по-разному. Можно по-разному смотреть на оптимальные пути развития своей страны, на ее внешнеполитические приоритеты. Отец учил меня, что ни при каких обстоятельствах нельзя предавать и продавать себя. Этому принципу я следовала всю свою жизнь и следую до сих пор.

Другой важный завет, который оставил мне отец, – относиться к другим людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе. Это один из главных библейских принципов. Знал ли об этом папа, ведь он не был верующим? Сложно сказать. Я всегда уважительно относилась к другим людям и к их позициям, даже если они противоречили моим собственным и если я была с ними не согласна.

Сейчас очень многое подстраивается под политическую конъюнктуру – по всему миру так. Развелось много политологов, аналитиков, всякого рода исследовательских центров, но сколько всего грязного стекается в интернет, какое чудовищное искажение исторических фактов имеет место быть – абсолютно со всех сторон. Все чаще приходится слышать небывлицы и полную ересь. Во многом это связано с тем, что все эти эксперты обслуживают свои элиты. Другой важный фактор – тотальная и жесточайшая информационная война всех против всех.

Очень сложно оставаться верным своим взглядам и не предавать самого себя в таких условиях. Это гораздо сложнее, чем не предавать другого. Конечно, мы все социально обусловлены, ведь все мы часть общества. Но каждый из нас должен стремиться к внутренней свободе и независимости мышления. Помните: *научиться думать самой*. Это важно не только для исследователя.

Конечно, человеку свойственно менять точку зрения. Это нормально: ситуация изменилась – изменилась и точка зрения. Но это вовсе не значит, что можно противоречить объективным фактам и ниспадать до полного разрыва с реальностью.

Женщины в моей профессии

Возможно, если бы я была мужчиной, то воспринималась бы иначе. Я часто была раздражителем для своих коллег из *политологического лагеря*. Сложно сказать, что именно было причиной. Пол, последовательность и верность во взглядах, сами взгляды, мой характер или вообще что-то другое, о чем я могу только догадываться...

Когда я только начинала свой профессиональный путь – это было в 1980-е и в начале 1990-х гг. – девушек в сфере международных отношений было мало. Эта ситуация у нас стала стремительно меняться с 1990-х гг. Сейчас уже очень много талантливых женщин – и в науке, и в бизнесе, политике и т.д. Они инициативны и деятельны, и это здорово!

Поначалу, когда я стала заниматься вопросами безопасности и, как следствие, соприкасалась с военной тематикой, мне было достаточно тяжело, приходилось проходить через заслон мужского неприятия и скептицизма. Многие мои коллеги-мужчины крайне нелицеприятно отзывались обо мне за границей. Помню, как часто мне передавали иностранные коллеги, что про меня мои соотечественники говорили им: «Ой, да она же женщина, она ничего не понимает». А потом эти же самые люди уже в российских аудиториях утверждали: «Эта-то знает, о чем говорит. Но мы с ней не согласны». В какой-то момент я поняла, что критикуют не столько меня как человека, как эксперта, не мои профессиональные знания, а именно мою позицию. И тогда я сделала вывод, что нужно обрастать броней, ведь от своей позиции в чью-либо угоду я отказываться не собиралась, а в своих знаниях была уверена.

Необходимо помнить, что есть такое явление, как профессиональная ревность. И женщинам, увы, она известна куда чаще, чем мужчинам. Есть мужчины, которые болезненно относятся к тому, что какая-то женщина добивается успеха. Это нужно воспринимать как данность.

Надо признать, что не редко моя гендерная принадлежность играла мне на руку и даже облегчала работу. Но я убеждена, что специалист определяется не гендером, а набором знаний и навыков. Если речь идет об исследователях, важен, например, аналитический

потенциал. Это не единственный критерий, конечно. Я противница квот, и считаю, что предпочтения должны основываться на профессиональных признаках, а не на гендерных.

Помню, как в начале 2000-х гг. мне пришло приглашение из Швеции поучаствовать в конференции о женщинах в международной безопасности. Инициировала это мероприятие Анна Линд, шведский политик, она как раз была министром иностранных дел Швеции в те годы [1998-2003 гг. – прим. ред.]. Я решила поехать, хоть и сомневалась: мне казалось, что это будет сборище феминисток, что мне не очень интересно. На конференции мы много обсуждали вопросы безопасности, и это была профессиональная дискуссия, кстати говоря. Но в какой-то момент все скатилось к обвинениям в адрес мужчин – «вот они и виноваты во всех проблемах». Я не выдержала, встала и сказала, что мы не можем опускаться до такой пошлости. Слабину мы все-таки дали.

Поделюсь еще одним воспоминанием. Шел 2013 год, дело было в Берлине. Я была приглашена на мероприятие, где проходила панельная дискуссия по ситуации в Афганистане. На ней присутствовали официальные лица из стран НАТО и, конечно, говорили, как успешно они справляются с вызовами безопасности в Афганистане. Но был на конференции и представитель «Талибана»¹, причем весьма американизированный. И он совершенно иную картину нарисовал. Я решила задать ему вопрос про предстоящие выборы, абсолютного ничего провокационного, взяла слово. И его так возмутило, что какая-то там женщина смеет задавать ему вопрос. Но ответ он мне все-таки дал. Он сказал: «Участвовать в выборах не будем. Будем брать власть силой». У всех представителей стран Запада просто лица побелели.

Мое отношение к гендеру равнодушное, для меня это некое явление, от которого никуда не денешься. Да и гендерный фактор, конечно, играет роль. И в политике, и в науке, и в самой жизни. Такова объективная реальность. Тем не менее, мне было бы скучно заниматься гендерными исследованиями, хотя признаю, что для кого-то это важно.

Я считаю, что женщин в сфере международной безопасности все равно маловато. Критической массы как таковой нет. Это особенно относится к таким специфическим темам, как ядерное нераспространение и контроль над вооружениями.

Думаю, что, если мы говорим о международной безопасности, женщинам проще реализовываться именно в научно-исследовательской среде. Интересный факт, который я наблюдаю: часто мы говорим, что женщина ушла из сферы международной безопасности, потому что вышла замуж или родила ребенка, но ведь в другом исследовательском поле они остаются даже после таких серьезных изменений в жизни.

Играют ли женщины какую-то роль в международных отношениях? Я думаю, что любой человек не особо-то на них воздействует, если не участвует в процессе принятия решений или не влияет на этот процесс.

Важны альтернативные точки зрения

¹ «Талибан» – движение, которое по состоянию на 7 июня 2024 г. признается в Российской Федерации в качестве террористического и запрещено. – Прим. ред.

Несмотря на то что я скромно оцениваю свой вклад, мне никогда не хотелось уйти из профессии. Ведь то, чем мы занимаемся, помогает без *розовых очков* смотреть на действительность.

Для меня всегда были важны альтернативные точки зрения. Даже если они не приводят к каким-то изменениям, в их необходимости сомневаться не приходится. Поэтому я позитивно отношусь к существованию всякого рода неправительственных организаций (НПО), кто бы что о них ни говорил.

Почему? НПО – это альтернативная точка зрения. Как правило, независимая. Это возможность посмотреть на проблему под другим углом. И, как следствие, это способ избежать фатальных ошибок. К сожалению, часто эксперты только и хотят, что угодить своему руководству. Они пытаются понять коридор мышления начальства и формулируют такие выводы и рекомендации, которые в этот коридор уместятся. То есть, иными словами, пытаются уловить желание руководства. А это очень опасно. Но это такая безответственность, в том числе перед своим руководителем. Ведь они обрекают его на неверные решения, которые могут привести к трагическим ошибкам. НПО все-таки позволяют сохранять многообразие взглядов, если они, конечно, не ангажированы политически.

О ПИР-Центре

Для меня ПИР-Центр – это одна из серьезных аналитических площадок в современной России. В 1990-е гг. жизнь свела меня с Владимиром Орловым – мы познакомились на конференции, коих в те годы было немало, и как-то сразу прониклись взаимной симпатией, ощутили взаимопонимание. Часто ходили на мероприятия друг к другу.

В своей профессиональной жизни я соприкасалась с проблематикой контроля над вооружениями и стратегической стабильности, с ядерным нераспространением. И благодаря ПИР-Центру, и в рамках своей собственной работы тоже. Также я была приглашена стать членом Российского Пагуошского комитета. Мне нравится Пагуошское движение тем, что оно всегда старалось быть неким *модератором* для примирения конфликтующих сторон.

Должна сказать, что вот на ПИРовской площадке никогда не испытывала пренебрежительного отношения, когда участвовала в обсуждении вопросов, связанных с ядерным фактором. Конечно, это все очень интересные вопросы. Но меня контроль над вооружениями всегда интересовал именно как средство избежать войны. Моя жизненная позиция всегда была и есть – не возводить стены, а строить мосты. Во всех обстоятельствах, особенно в кризисных, нужно не то что прекращать диалог, нужно его интенсифицировать. С большим уважением отношусь к тому, что делает ПИР-Центр. Его аналитические материалы нужно читать и в его мероприятиях стоит участвовать, чтобы возвращать в себе профессионализм.

Профессия и карьера не одно и то же

Расти профессионально – это долг. Но важно помнить: профессия и карьера не одно и то же.

Карьера – это всегда про компромиссы, и очень часто про компромиссы с самим собой, со своей совестью. Порой это даже унижения, когда тебе приходится отступать от себя, предавать себя, мириться с тем, что тебе претит. В карьере как раз очень редко работает принцип, о котором я говорила: не предавать и не продавать себя. Про него, скорее всего, рано или поздно придется забыть, если хочется добиться карьерных высот. Если человек не способен на это, то лучше забыть о карьере и просто жить в профессии.

Помню, как присутствовала при разговоре папы с его другом. Он занимал пост заместителя министра. Однажды он приехал к нам с бутылкой коньяка, взволнованный и говорит: «Я только что отказался от должности министра». Мы с родителями были так обескуражены. Стали приставать к нему с расспросами, как так, почему он отказался. И то, что он ответил, меня поразило: «На том уровне начинаются такие компромиссы, которые вынудят меня поступиться собой».

Да, есть *компромиссы* и *компромиссы*: мы все часть общества, мы все обусловлены. Все мы так или иначе идем на компромиссы каждый день, но это допустимые компромиссы. Карьера же – это жесточайший компромисс, когда приходится наступать себе на горло. Не всегда, конечно, но и не каждый может с этим справиться.

Должна признать, что мне повезло добиться успехов и в профессии, и в карьере, хотя никаких высоких государственных должностей я никогда не занимала. Мне не приходилось идти на компромиссы, где я бы изменяла себе. Те компромиссы, на которые я шла, были для меня приемлемы, они не уничтожали мое *я*, не унижали чувство собственного достоинства.

Как нужно возвращать в себе профессионализм?

Я буду говорить о сфере академических исследований, но думаю, что *рецепты*, которые я предложу, работают на любой профессиональной стезе.

Во-первых, каждому для успеха должно полюбить предмет своего исследования (или дело, которым ты занимаешься). Если ты ненавидишь то, что ты делаешь, ты не станешь профессионалом: тебе просто не захочется понять предмет своего изучения. А чтобы понять, нужно, бесспорно, очень много читать и очень много общаться.

Во-вторых, нужно пользоваться различными источниками информации. Пусть они будут противоречить друг другу. Информацию нужно собирать по крупицам, как будто вы собираете мозаику. Если человек основывается только на одном источнике информации и не учитывает другие взгляды, он обрекает себя на однобокость и узость мышления. Сейчас, когда мир заполонила дезинформация, особенно важно знать альтернативные точки зрения.

В-третьих, значима коммуникация с коллегами – как внутри вашей страны, так и за ее пределами. Не представляю, как можно изучать какую-то страну, если ты не контактируешь с ее представителями или если ты там никогда не бывал. Чтение книжек недостаточно: по ним одним не поймешь сущность изучаемого предмета.

В-четвертых, повторю заветы отца. Научитесь думать сами. Не предавайте и не продавайте себя. Относитесь к другим так, как хотели бы, чтобы эти люди относились к вам.

В-пятых, к наставлениям отца от себя добавлю: не создавайте себе кумиров. Я жила именно по такому принципу. Было очень много людей среди моих коллег, которых я считала для себя авторитетами. Но кумиров у меня не было никогда. Я никогда не хотела никому подражать.

Немного личного

Если говорить о балансе между профессиональной и личной жизнью, то вынуждена признаться: достичь его сложно. Это во многом проявляется, и в характере отношений с близкими людьми в том числе.

Я уже давно сама не музицирую, не играю на фортепиано. Хожу с близкими мне людьми на выставки или на музыкальные концерты. К слову, благодаря санкциям, введенным против России, нам удалось посмотреть в наших музеях то, что обычно *блуждало* на показах за границей. Люблю встречи с друзьями, с которыми мы до сих пор по-прежнему общаемся.

Считаю, что, особенно в сложные периоды, один из которых сейчас переживает наша страна, люди должны поддерживать друг друга и общаться, возможно, даже чаще, чем в обычное время.

Интервью: Елена Карнаухова

Редактура: Елена Карнаухова